

V.L.Larin

THE RUSSIAN INTERESTS IN EAST ASIA: APPROACHES AND CONTRADICTIONS

Summary

Today East Asia is a very dynamically growing and changing world region where we can observe a great diversity of national interests and strategies. In total, they portray economic and geostrategic scene of East Asia as a region of complicated multilateral interplay. Russia's attempts to formulate a prospective national strategy towards East Asia are now hampered not only by the inveterate inclination of the former Soviet foreign policy centered on Western Europe and the current intestine war of particular interests for a dominance, but also by the keen contradictions between Moscow-run "nationalwide" policy and the vital interests of peripheral regions, such as the Russian Far East. At the same time, the Pacific facade of Russia has no self-sufficient prerequisites — without the Federal support and a proper national strategy for the Pacific — to become a substantial well-to-do partner for the East Asiatic community. The Russian goals and interests in the Pacific could not be viewed with great optimism, because, in spite of original euphoric expectations, national interests and strategies of the most developed Pacific countries are not focused on the Russian Far East. For Japan, South Korea and the USA, the Russian Pacific region still holds the lowest lines in a list of their national economic priorities. The economic cooperation between the Russian Far East and China — a somewhat more successful — is clouded by the future threat of uncontrollable Chinese immigration. So, the present difficulties of Russia to develop more intensive economic and political relations with its East Asiatic neighbours could be estimated primarily as a mirror of the official Russian neglect of these geographic directions — as well as its own extreme eastern periphery.

А. Г. Оруджиева
(Екатеринбург)

УРАЛ В МИГРАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ РОССИИ XX в.

Развитие миграционных процессов в XX в. как в России в целом, так и на Урале, согласуется с концептуальными схемами исторических изменений процессов урбанизации и миграционного перехода от малоподвижного ("сидячего") образа жизни в условиях традиционной экономики к нарастанию территориальных перемещений масс по мере утверждения индустриального общества. По мнению американского географа В. Зелинского, развитие миграционных процессов в нашей стране в общем соответствует предложенной им в 1971 г. модели миграционного перехода. Однако особенности поэтапного экономического развития России в условиях планомерного вмешательства тоталитарного государства во все сферы деятельности общества отразились на характере и последствиях миграции.

В начале 1920-х гг. Урал испытал значительную убыль населения. За период между переписями 1920 и 1923 гг. в Уральской области, объединявшей территорию современных областей и республик региона, оно сократилось на 581 тыс. чел. В эти годы отмечался крайне низкий естественный прирост (всего 18 тыс. чел.), а в 1920-1922 гг. — естественная убыль населения: на фоне низкой рождаемости наблюдалась высокая смертность. Наибольшие потери произошли из-за оттока населения, величина отрицательного сальдо за эти три года превысила 0,5 млн.

Ускоренное наращивание экономического потенциала восточных районов страны, и прежде всего, Урала в годы первых пятилеток вызвало массовые перемещения населения (как добровольные, так и принудительные) на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток. Насильственная трудовая миграция вплоть до начала войны являлась основным источником рабочей силы на "стройках социализма". За десять предвоенных лет наблюдались три волны миграции. Первая связана с началом раскулачивания. Только за 1930-1931 гг. на Урал было выслано 128 тыс. семей, или более 1/3 от общего числа раскулаченных и сосланных на спецпоселения по стране, из них 32,7 тыс. семей — с Украины; 26,0 тыс. — с Северного Кавказа; 9,1 тыс. — из Белоруссии; 7,8 тыс. — из Татарии; 7,3 тыс. — из Западной области и других районов. К февралю 1932 г. на Урале насчитывалось уже 500 тыс. спецпереселенцев, за счет которых предполагалось решить грандиозные планы индустриализации в кратчайшие сроки.

К началу 1941 г. число дислоцированных на Урале по трудовому поселению сократилось, составив 226 тыс. чел.: уральская доля раскулаченных по стране снизилась до 25%. Наиболее крупные поселения перемещенных лиц располагались в Свердловской (90 тыс. чел.), Молотовской (75 тыс. чел.), Челябинской (47 тыс. чел.) областях и в Башкирской АССР (12 тыс. чел.). За период между переписями 1926-1937 гг. численность населения Урала в

современных границах выросла с 10,5 до 12,3 млн. чел., или на 17,1% (по стране в целом — на 11,2%). Городское население увеличилось в 2,5 раза, а сельское уменьшилось на 18,4%. Миграция в города в этот период в 3 раза превышала величину естественного прироста.

К началу 1939 г. на Урале проживало уже 13,4 млн. чел. Только за три года (1937-1939) прирост составил 8,9%, причем наибольший приток населения на Урале наблюдался в 1937-1938 гг., со второй волной миграции, совпавшей с началом масштабных репрессий. За 1937-1940 гг. положительное сальдо миграции составило 725 тыс. чел., приблизившись к размерам естественного прироста.

Третья волна миграции на Урале в довоенные годы связана с расширением границ СССР и началом Великой Отечественной войны. За март-июль 1941 г. из Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии на спецпереселение было отправлено 85 тыс. чел. Начало войны сопровождалось тремя разнохарактерными потоками мигрантов. Первый — эвакуация предприятий и организаций из прифронтовой полосы с работниками и их семьями, а также беженцы. К концу 1941 г. на Урал было эвакуировано до 1,5 млн. чел., в том числе с Украины — 37,7%, из Белоруссии — 37,9%, из Крыма — 25,9%.

Второй поток мигрантов связан с массовыми депортациями народов Крыма, Северного Кавказа, Поволжья. В результате этого к августу 1948 г. на Урале насчитывалось 146,8 тыс. немцев — спецпереселенцев, размещенных преимущественно в Свердловской (43,5 тыс.), Пермской (35,5 тыс.) и Челябинской (34,5 тыс.) областях.

В третий поток мигрантов в период войны входили военнопленные и интернированные. Только на Среднем Урале было размещено 80 тыс. военнопленных и 22 тыс. интернированных, из них 2/3 — немцы, остальные — австрийцы, поляки, румыны, японцы и др.

В годы войны приток населения на Урал сопровождался и его оттоком. Уже в 1942 г. число выбывающих начало заметно превышать число прибывающих в результате массовой мобилизации, а затем и реэвакуации. Так, за 1942-1945 гг. население Урала уменьшилось с 15,6 до 12,9 млн. чел.

В послевоенный период (1946-1958 гг.) численность населения региона выросла на 4,6 млн. чел., или на 35,9%; из них 3 млн. пришлось на естественный прирост, остальное дала миграция. К концу 50-х гг. приток населения на Урал заметно сократился. Прирост населения осуществлялся главным образом за счет естественных показателей: средний естественный прирост в этот период составлял 230-240 тыс. чел. (без Башкирии). В конце 50-х гг. миграционный прирост в регионе получил отрицательное значение.

Политика ускоренного развития производительных сил восточных районов нашла свое выражение в ускоренном перемещении туда значительных масс населения. С 1959 г. Урал утратил лидирующее положение по темпам прироста населения. Кроме того, в этот период были отменены законы, запрещающие репрессированным народам выезжать за пределы территорий вынужденного поселения. Были сняты ограничения на выезд из сельской местности. Все это усилило миграционные процессы в регионе, сопровождавшиеся оттоком людей, сократило темпы роста численности населения.

Миграционные процессы 1959-1993 гг. имели довольно интенсивный, хотя и волнообразный, характер. В это время наблюдалось три волны миграционной активности городского населения Урала: конец 50-х — начало 60-х, конец 60-х — начало 70-х, начало 80-х гг., причем каждый последующий подъем уступал по величине предыдущему. Соответственно, миграционные провалы отмечались в середине 60-х, конце 70-х и начале 90-х гг.

Интенсивный показатель миграции (в расчете на 1000 населения) за тот же период также представлял волнообразную затухающую кривую, но с менее выраженными подъемами и спадами. Циклический характер миграции обусловлен действием ряда факторов, первое место среди которых занимают демографические. Подъемы миграционной активности совпадают с ростом числа молодых возрастов в составе населения (на долю 17-24-летних приходится 65% всех прибывающих и убывающих). Первая волна миграции была вызвана всплеском численности молодежи, родившейся в конце 30-х гг., когда рождаемость была высокой. Вторую волну подъема составили дети, родившиеся в конце 40-х — начале 50-х гг. Третья волна — поколение, родившиеся в 60-е гг. Каждая последующая когорта молодежи по численности уступала предыдущей. Отсюда и затухание объемов и интенсивности миграции. Общее снижение численности мигрантов, особенно выбывающих из региона, прямо пропорционально снижению темпов прироста населения и его постарению, что уменьшает как относительные, так и абсолютные потоки мигрантов. Циклический характер миграции был вызван и экономическими причинами. С расширением рынка труда как в регионе, так и по СССР в целом поток мигрантов возрастал. Наибольшее притяжение вызывали районы Западной Сибири и Казахстана, Урал же постепенно терял свою притягательную силу.

Третья причина снижения потока мигрантов связана с абсолютным сокращением численности сельского населения региона почти на 1/3. За период 1959-1993 гг. в результате миграции села Урала потеряли 4 млн. чел., а так как миграционная активность сельских жителей в 1,5 раза превышает подвижность горожан, то село практически исчерпало себя как источник пополнения городов региона рабочей силой.

Рассмотрим основные миграционные тенденции за период с 1959 по 1993 гг. Период между переписями 1959-1970 гг. в целом характеризуется высокой территориальной подвижностью. Население, в 1,5 раза превышающей средний по России уровень населения края увеличилось на 8,4% (в это же время в РСФСР на 10,7%, а по стране в целом — на 15,8%); городское население увеличилось на 21%, сельское сократилось на 8%. Основным источником прироста населения стал естественный прирост, который тоже имел тенденцию к снижению. Миграционный приток населения сменился его оттоком. В 1959-1965 гг. из региона мигрировало 33,6% естественного прироста, в 1966-1970 гг. — уже 94,5%. Миграционный отток происходил главным образом за счет сельского населения, а также малых и средних городов. Численность городского населения росла в основном в результате внутриобластных перемещений, а до 1964 г. — притока из других районов России. Только за 1959-1963 гг. сальдо миграции с районами России составило 144,2 тыс. чел. Наибольший приток шел из Волго-Вятского (74,2 тыс. чел.), Западно-Сибирского (45,7 тыс.), Поволжского (17,8 тыс.), Центрального (10,8 тыс.), Дальневосточного (9,9 тыс.) и других районов. Лишь с Северокавказским районом миграционный обмен был для Урала отрицательным. Наряду с этим шел значительный отток городского населения в союзные республики, в основном на Украину (57,4 тыс. чел.), в Среднюю Азию (39,2 тыс. чел.) и Казахстан (13,6 тыс. чел.). Общие потери населения в результате оттоков в союзные республики составили за 1959-1963 гг. 107,6 тыс. чел.

1964 год оказался переломным для миграционных процессов. На фоне снижения территориальной подвижности населения, роста миграции из села происходил отток городского населения. Это было результатом изменения баланса межрайонных (в пределах России) перемещений. С этого времени и вплоть до конца 80-х гг. Урал стал терять население в результате его оттока как в западные, так и в восточные районы России при постоянно усиливающейся миграции в союзные республики. В целом за 1964-1969 гг. в результате неэквивалентного миграционного обмена с районами России и Союза городское население Урала потеряло 252,3 тыс. чел., из них 174,1 тыс. осели в республиках бывшего Союза: восстанавливали после землетрясения Ташкент, возводили промышленные объекты в Средней Азии, Казахстане, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Вот как отзывались об уральцах, переехавших на работу в Казахстан: "Действительное значение миграции из городов Урала в города Казахстана заключается в том, что эта миграция позволяет республике тратить меньше средств на подготовку специалистов данных отраслей; в том, что в результате данной миграции промышленность Казахстана получает уже подготовленные кадры..."⁴

Следующий межпереписной период — 1970-1978 гг. — характеризовался самыми низкими темпами роста населения за послевоенный период (102,1%), население РСФСР в этот период увеличилось на 5,8%. Прирост городского населения составил 12,0% (по России 17,8%). Сельское население сократилось на 16% (по России на 14%). Основной причиной крайне неблагоприятной демографической ситуации явился неутрачивающий отток населения из региона, главным образом, из сельской местности. За 9 лет общее отрицательное сальдо миграции по селу составило 971,7 тыс. чел. — среднем по 108 тыс. чел. в год против 100,7 тыс. в период с 1959 по 1969 гг. Произошли значительные изменения в географии межрайонных миграционных связей: близость интенсивно развивающихся восточных районов усилила миграционные потоки в Западную Сибирь и, особенно, Тюменскую область. В целом в этот период Урал имел отрицательное сальдо почти со всеми районами России: общее — 70,3 тыс. чел., из них 29,6 тыс. чел., или 43%, приходилось на восточные районы страны. Миграционный приток шел только из Волго-Вятского и Поволжского районов, причем к концу периода он тоже начал угасать.

За десятилетие между переписями 1979 и 1989 гг. население Урала увеличилось на 4,3% (России на 6,8%), городское — на 10,2% (по России — на 14,1%), сельское население сократилось на 9,9% (в России на 7,7%). Таким образом, разрыв в динамике численности населения Урала и России не изменился. Миграционный прирост в городах составил 301,2 тыс. чел. (на 16% ниже предыдущего периода), а его доля в общем росте численности заняла 21,6% (в предыдущем периоде 32,8%). Отток сельского населения, хотя и снизился до 859,6 тыс. чел., но по размерам значительно превышал темпы высвобождения рабочей силы из сельского хозяйства. Размеры миграции из села в 2,3 раза превысили величину естественного прироста. Продолжается миграция городского населения в Западную Сибирь (в 3 раза по сравнению с 1970-1978 гг.). Отрицательное сальдо достигло 91,6 тыс. чел., или 75,7% от общей величины выбывающих в другие районы России. Общие потери от межрайонной миграции составили 161,1 тыс. чел., т.е. остались на уровне предыдущего периода.

С переходом к рыночной экономике значительно снизился престиж трудонедостаточных северных и восточных регионов. Замедление развития производительных сил, обострение социальных проблем привели к увеличению миграции из этих районов. В условиях гиперинфляции надбавки к заработной плате и другие льготы перестали стимулировать работников. В начале 90-х гг. почти в 2 раза снизились потоки мигрантов с Урала в Западную Сибирь. Многие из тех, кто когда-то выехал на заработки в Сибирь, возвратились обратно.

Приток населения из Восточной Сибири и с Дальнего Востока наметился еще в 1984 г., а из Западной Сибири — в 1990 г.

Крупные города и, прежде всего, областные центры, в результате снижения потребности в иногородней рабочей силе, резкого удорожания стоимости жизни, обострения криминогенной обстановки, впервые за последние несколько десятилетий потеряли свои приоритеты в общем миграционном балансе. Миграционный отток населения в сочетании с его естественной убылью привели к уменьшению численности жителей этих городов.

Эти причины стали факторами, сдерживающими миграцию из села в город. В большинстве областей и республик начался приток населения в сельскую местность, в том числе и из столичных городов. В целом по региону расчетное положительное сальдо миграции в последние три года выглядело так: 1991 г. — 5,2 тыс. чел., 1992 г. — 42,3 тыс. чел., 1993 г. — 16,6 тыс. чел. Таких результатов сельской миграции не наблюдалось на протяжении всего советского периода.

На фоне спада миграционной активности населения резко возрос миграционный оборот с бывшими республиками, а теперь государствами СНГ и Прибалтики. Если в 1989 г. на долю прибывающих из союзных республик приходилось всего 9% от общего числа переехавших на Урал (60 тыс. чел.), то в 1993 г. из стран ближнего зарубежья прибыло 100 тыс. чел., что составило 18,2% от всего потока мигрантов.

К началу 1994 г. в России насчитывалось 447,9 тыс. чел., зарегистрированных беженцев и вынужденных переселенцев. Это число является неполным, так как не включает в себя людей, не обратившихся в миграционные службы. На 10 тыс. населения России на начало 1994 г. приходилось 30 беженцев и вынужденных переселенцев, что почти в 2 раза превысило уровень начала 1993 г. (10,9%). Области и республики Урала к началу 1994 г. приняли 50 тыс. чел., т.е. 11% всех официально зарегистрированных в России. Наибольшее число беженцев и вынужденных переселенцев приняли Оренбургская и Свердловская области и республика Башкортостан.

Почти половина беженцев (47,3%) — выходцы из Таджикистана, а в Башкирии они составили 74% переселившихся сюда людей. Второй по объему поток составляют прибывшие из Грузии (12,2%), Азербайджана (7,8%), Чечни (31,1%). Наибольший удельный вес беженцы из Грузии (главным образом, из Абхазии) составляли среди переселившихся в Удмуртию (27%), Пермскую (23,0%) и Свердловскую (22,0%) области. Выше среднего доля выходцев из Азербайджана наблюдалась в Пермской и Курганской областях (13,7 и 11,6% от общего числа переехавших). В последние годы увеличилось число беженцев из республик Средней Азии и Казахстана. Особенно много их разместились в Оренбургской (почти 2/5 всех беженцев) и Курганской областях (30%).

Этнический состав вынужденных мигрантов в значительной мере формируется под влиянием межнациональных конфликтов. По данным обследований миграции населения, проведенных Госкомстатом в 1992 г., конфликты на национальной почве являются главным мотивом отъезда из Азербайджана, Таджикистана, Грузии, Литвы, Узбекистана, Армении, Киргизии, Латвии, Молдовы. Почти 2/3 мигрантов из этих республик — русские. Сопоставление данных о числе прибывших и зарегистрированных беженцев из стран ближнего зарубежья за 1993 г. свидетельствует о том, что фактически поток мигрантов гораздо выше. В результате стихийной миграции из зон конфликтов идет отток людей всех национальностей, имеющих возможность получить российское гражданство и самостоятельно устроить свой быт, найти работу. Так по последним данным, 35% выбывающих из Грузии были русскими, 25% — армяне, 23% — азербайджанцы, 11% — грузины.

При снижении показателей абсолютного прироста населения в России, а в ряде регионов и его естественной убыли, миграцию из стран СНГ можно рассматривать как явление позитивное. Однако для реализации положительных сторон этого процесса необходимы соответствующие финансовые, экономические и политические меры. В противном случае, как это и происходит в настоящее время, во многих регионах России в результате миграции обостряется ситуация на рынке труда, усиливается безработица, создаются социальные и экономические проблемы как для приезжающих, так и для коренных жителей.

Новым в миграционных процессах явлением для России стал рост международной миграции. До середины 80-х гг. на постоянное жительство за границу из России ежегодно выезжало по 3 тыс. чел., а в последние годы эмиграция выросла с 47,5 тыс. чел. в 1989 г. до 88,8 тыс. в 1993 г.

В 1993 г. с Урала эмигрировало 11221 чел., или 12,6% от общего числа выехавших из России в страны дальнего зарубежья. Большинство эмигрантов — жители Оренбургской, Свердловской, Челябинской областей. Большая часть выехавших с Урала переехали на жительство в Германию — 86,3%, в Израиль — 9%, в США — 2,6%, остальные — в Болгарию, Польшу, Канаду, Австрию, Швецию и др.

Свыше половины уезжающих за рубеж — трудоспособное население, 27% — дети до 16 лет. Почти половина уезжающих имеют высшее и среднее специальное образование, в том числе 18% — с высшим и незаконченным высшим. Очевидно, что массовый отток

высококвалифицированных рабочих, ученых, специалистов наносит значительный экономический, интеллектуальный и моральный ущерб государству. Согласно некоторым расчетам, народнохозяйственные потери от эмиграции специалистов в 1990 г. превысили 80 млрд. руб. Нет необходимости доказывать, что полностью остановить "утечку мозгов" из России нельзя. Однако в ближайшее время возможно и необходимо принять меры по ее сокращению и сохранению элиты трудового потенциала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Славко Т.И., Бедель А.Э. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.). Сб. док. — Екатеринбург, 1993. — С.11.
2. Рассчитано по данным: Земсков В.Н. Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. — 1992. — №2. — С.8-13.
3. Наука Урала. — 1991. — №33.
4. Демаков Г.А. Влияние миграции населения на классовую структуру общества. — Алма-Ата, 1971. — С.205.

A.G.Orudzhieva

THE URALS IN MIGRATION DYNAMICS OF RUSSIA IN THE XXTH CENTURY

Summary

The paper argues that main stages of migration transition in the Urals, being in close connection with the industrialization process, were in a full accordance with the universal conceptual schemes of drastic changes in urbanization and migration during the XXth century. The accelerated growth of the regional economy in the 1930s led to the massive displacements of the population (voluntary as well as compulsory), and these in-migrations accounted for the four fifth of the aggregate urban population growth in the region. The sizable influx of the evacuees and refugees during the early months of the Great Patriotic War had given place to the essential and mainly not filled up casualties and losses for the rest of war-time.

During the postwar period, the intensive migrations were bound up with the increasing outflow of population from the rural areas and small- and medium-sized towns. So the migration increase in the cities and large towns was due to the intraregional redistribution of population, while the non-equivalent interregional population exchange resulted in great losses of the most trained and skilled manpower. But migration process of the late 1980s—early 1990s saw turbulent changes, such as the cessation of rural out-migration, the increase of return migration from urban localities to rural areas, the growth of ethnic migration from the former USSR's republics and the national autonomies of Russia, the increasing emigration of dispersed peoples which have no national states on the Russian territory.